

Андрей МАРКИЯНОВ

Родился в 1959 году в Тюмени. После средней школы учился в Тобольском мореходном училище. В 1982 году поступил в Литинститут им. Горького. Работал в различных газетах, на стройке.

Стихи и проза публиковались в журналах и альманахах «Нижний Новгород», «Сибирские Огни», «Сибирское богатство», «Врата Сибири», «День Поэзии» (Санкт-Петербург) и других, а также в русскоязычных изданиях Австралии и Германии. Победитель международного конкурса духовной литературы «Молитва» (2022) в номинации «Проза». Автор трех книг.

Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

ВЕРНУТЬСЯ К СЕБЕ

1

В этот скромный южный городок Арсеньев прибыл дождливым февральским утром спустя две недели после освобождения. С моря несло арбузной свежестью бриза, капли пузырились на лужах, а с поникших листьев перистых пальм стекловидно струилась вода. Электронное табло на фонарном столбе показывало +9.

Уперев руки в бока, он мок у подножки вагона и оглядывал то зыбкие контуры горных вершин, то кирпичные кружева вокзала, из дверей которого выходили и тут же устремлялись к поезду сердитые пассажиры. Слов нет, погода не радовала, но ему, отмотавшему срок в Заполярье, это место казалось почти заповедным. И вспомнилось: «У моря, у синего моря...»

Он повернулся к тамбуру, где у поручня стояла молодая проводница в ловкой униформе, грустная, с прямой темной челкой и круглыми голубыми глазами.

– Что ж, пора, – сказал он, поднявшись обратно в вагон, и прижал ее к своей влажной дубленой куртке. – Спасибо за все, Иринка. Век не забуду.

– И я не забуду, – шепотом сказала она и, вдруг замигав, уткнулась ему в грудь, сбивчиво зашептала. – Я думала... Господи, все как во сне. Может, останешься? Сойдешь на обратной дороге? – Она поднялась на цыпочки, испуганно глядя ему в глаза, и отчаянно поцеловала в губы. – Рома... – Поезд медленно тронулся. Он подхватил лежащую у ног раздутую спортивную сумку, соскочил на перрон и, не оглядываясь, направился к маленькой привокзальной площади, вымощенной блестящим булыжником. Проводница тоскливо смотрела вслед. Сейчас она пойдет в его пустое купе, сядет на смятую постель и будет долго

смотреть в окно, облокотившись на столик. Впереди долгая поездка. За это время она еще не раз вспомнит эту постель и все, чем они занимались на ней под стук колес и мелодичный звон подстаканников. Когда по приезде домой наткнется в косметичке на свернутую пачку двадцатидолларовых купюр, то сначала от неожиданности изумится, а потом улыбнется и снова загрустит.

А что же «Рома»? Оглядевшись на стоянке такси, он уселся на переднее сиденье потрепанного «Форда», подправил на коленях сумку и наклонился к водителю:

– Удивительная у вас площадь, товарищ. Реликтовая. Как панцирь галапагосской черепахи. К тому же пальмы. Уважаю, очень красиво.

Тучный небритый таксист метафору оценил:

– Так точно, вылитый панцирь. Ее пленные немцы мостили после войны, а они на такие дела мастера. Заметь, и улица от нее такая же. Падла, я здесь всю подвеску разбил.

– Ну, это ты зря, прошлое беречь надо.

Он уселся удобней, поделился с шофером сигаретой и короткой справкой по краеведению:

– Я тебе вот что скажу. В моем городе раньше почти так же было. Такая же площадь, старинный вокзал, аллея кленовая, бочка с пивом. И даже бронзовый Ильич стоял. Потом вокзал снесли, отстроили серую коробку, а площадь закатали в асфальт. И Ленина тоже убрали, а на месте аллеи возвели торговый центр с подземной парковкой... Оно, конечно, удобно – парковка, асфальт, подвеска в полном порядке. Всем хорошо, а мне вот тоскливо. Почему так случается, брат?

– Потому что стареем, – уверенно ответил таксист. – Давно на свободе?

– Да пару недель. А что, сильно отсвечиваю?

– Не особенно, но я же таксист – хочешь не хочешь, а поневоле людей фильтруешь.

– Тогда еще вопрос, как психологу: как общая атмосфера, настроение у сограждан касательно грязных провокаций «укропов»? Отстал за 10 лет, информация в зоне дозированная. Пошел в поезде в ресторан, а там какие-то пьяные паникеры пугают обстрелами, беженцами...

– Настроение разное, шаткий у нас народ, – нервно ответил таксист. – А я нутром чую, войной пахнет. По Донецку лупят каждый день, совсем оборзели, засранцы.

– Что, неужели все так серьезно?

Таксист засопел, медленно закипая:

– Знал ведь я, знал, что после Крыма не будет ничего хорошего. Не надо было тормозить, надо было раздолбить их на Донбассе, и дальше до Одессы, до Приднестровья хотя бы. А потом уж и переговоры всякие минские заключать, провались они пропадом!

– Выходит, сильно хохлы достали?

– Я сам хохол стопроцентный, не о том речь. Для них мы все тут русня, москали... Ты вот откуда? Из Сибири? Сибирь далеко, тебе не понять.

– Да все я понимаю, – в тон ему ответил Арсеньев. – У меня мать полячка. Но ты прав, для них мы все – русня. Гордиться надо, товарищ.

Он затушил в пепельнице окурок и продиктовал по памяти адрес:

– Знаешь, где это?

– Как не знать – «Шесть склянок». Значит, к Петровичу?

– К нему, к нему. А он что здесь, узнаваемый человек?

– Братва его уважает, – уклончиво ответил таксист. – Но это меня не касается.

– Ты не стесняйся, мы с Петровичем сто лет знакомы.

– Нет, правда, сам я мало что знаю, просто приезжаю иногда расслабиться. Уютное местечко, и не так чтобы дорого. В общем, все там прилично – бильярд, пальма в бочке, музыка для души...

– Ясно. А для тела там что-нибудь есть?

– Для тела комнаты на втором этаже, вроде гостиничных. Бармен все устроит, я пробовал. – Таксист сокрушенно вздохнул. – А какой там вид из беседки! Прямо на море, на рыбацкие лодки внизу...

– А звать тебя как, уважаемый? И почему «Шесть склянок»? Странное название, аптечное какое-то, а?

– Семеном звать. А название не новое, я бар с такой вывеской под Сухуми видел. Давно, еще при Союзе. Ресторан у Петровича закрывается в три ночи, а три часа на морском языке – шесть склянок. Там даже рында корабельная висит у входа. Лично я думаю так.

– Правильно думаешь, трогай.

2

Как только вывернули на неприметную улочку, горбатую уходящую вверх, Арсеньев поднял стекло и задумался, глядя в окно. Видел он: сонлив и скучен в зимнее время курортный городок, особенно в непогоду. Мало машин, еще меньше людей. Грустно мокнут по обочинам голые фруктовые деревья, темнеют, как грифели, на фоне белых домов кипарисы, а если смотреть вперед и выше, взгляд упирается в дымные лесистые горы, до которых рукой подать.... И, похоже, смутно на сердце у того сутулого старичка в плаще и морской фуражке, что осторожно шагает по тротуару под черным зонтом. Кто он и куда идет по скользкой брусчатке? Наверное, отставной моряк, сдающий на лето комнаты в своем уютном доме с мансардой, с толстой хозяйкой и гамаком в красивом саду. А идет он не иначе как в эту проплывающую мимо аптеку с красным крестом на матовой вывеске.

Море, старичок, мансарда.... Как удивительно меняется жизнь после долгих лет ожидания. И даже запах кожаных сидений в потрепанном «форде» вызывает из памяти давно забытое, блаженное чувство покоя. Кроме того, имела еще причина быть в ладу с самим собой и по возможности со всем миром. По пути из зоны он намеренно изменил маршрут, сошел на безликой станции и целый день на перекладных добирался в глухую таежную деревню, где на берегу протоки в крепкой замшелой избе доживал свой век престарелый поселенец Нефедов, зверобой и давний друг отца. Десять лет назад Арсеньев оставил у старика вот эту спортивную сумку, набитую долларами разного номинала, пистолет Браунинга и личные документы, включавшие паспорт и университетский диплом.

– Ты вот что, Семеныч, – сказал тогда Арсеньев. – Сохрани, я за нею вернусь. Не знаю когда, но вернусь обязательно.

– Бандит ты, Ромка, – ответил Нефедов, осмотрев содержимое сумки. – Не надело?

– Надоело. Вот тебе триста тысяч. Считай, это северная надбавка от одного плохого дяди, которого все считали хорошим. Кончатся, еще возьмешь. А доллары не свети, начнут задавать вопросы.

– Не учи, – сказал Нефедов. – Из этого пугача его грохнул?

– Проломил рукояткой череп, так получилось. А он взял и помер.
– Грешно это, Ромка, жизни лишать из-за денег.
– Повторяю, так получилось. Сукой оказался дядя, старой вербованной сукой. Сдал меня с потрохами, когда узнал, что это я выставил «черный» обменник, который его менты крышевали. Хорошо, что был свой человек в конторе, успел вовремя предупредить, откуда ветер дует.

– Не ты ему жизнь давал, сынок.
– Ты тоже не за колоски пятнадцать лет лес валил за Ургалом. Или отец что-то напутал, когда тайной твоей поделился?

– Времена тогда были другие, Рома. И человек тот, ежели перейти на феню твою, был не сукой, а крысой. Ладно, забудем, ты знаешь, что делаешь. Однако надолго не пропадай, я не вечный, вдруг помру – что тогда будет с деньгами?

Долговязый, долорукий, с голым блестящим черепом и развесистой седой бородой, он сидел в полушубке у теплой печи, что-то угрюмо думал, перекосив брови, и равномерно попыхивал трубкой.

«Последний отшельник», – подумал тогда Арсеньев. А вслух заявил:
– Не помрешь. Твой отец 103 года прожил, и ты проживешь не меньше. А за меня не волнуйся, я вернусь...

И вот вернулся спустя десять лет, постоял на крыльце, глядя на дремучий заснеженный лес, близко подступивший к околице, прошелся по дому, вслушиваясь в скрип половиц, помолился на закопченную икону в углу. «А старик-то сдал», – подумал Арсеньев с грустью. Они обнялись. Нефедов был все в том засаленном полушубке, с той же прокуренной бородой, только тоньше и слабее стала шея, только глубже темнели впадины за ушами, а на правом глазу появилось бельмо.

– Хотел от паяльника прикурить, а он стрельнул, как хлопущка, – сказал старик с виноватой улыбкой и отер слезящийся глаз. – А деньги твои в порядке, в сухости. Как положил за печку, так и лежат в сундуке под чучельями.

– Ну и добро. Сам-то как тут один?
– Я не один.
– Вот как? – Арсеньев обвел глазами горницу. – А с кем?
– С Богом. А живу как всегда, только клонит к земле помаленьку. Собаку вот жалко, справная сука была. Подалась в тайгу, и с концом. Яшка якут пошел по следу, а след волками затопан, видно, с ними ушла. Сейчас у них гон, свадьбы табунятся по всей округе.

– Разве такое бывает, чтобы с волками?
– Случается иной раз. Ну, давай рассказывай. Домой заезжал? На кладбище был у родителей?
– На кладбище?

Он шагнул к окошку и уперся взглядом на заснеженную излучину реки, исполосованную заячьими следами, под сердцем заныло. Эта ноющая боль временами была нестерпима, когда он вспоминал их, так нелепо погибших здесь, на этой излучине, тем давним осенним утром. Отец отправился поохотиться и мать взял с собой. Вернее, она попросила взять ее в лодку. В броднях и телогрейках они вывернулись на самой стремнине, и нашли их только под вечер у топляков, обоих в мертвой сцепке. В тот год Арсеньев окончил университет, но эта смерть все перечеркнула, вывернула жизнь наизнанку: пьянки, драки, учебная рота, Чечня...

– А чего там делать, на сугробы смотреть? – сказал он тихо. – Я и так знаю, все травой заросло. Придет время, займусь.

– Это правильно, могилки обиходить надо, – вздохнул Нефедов. – А я, почитай, два года с ума сходил, пока письмишко твое не доставили с оказией. Человек тот сказал, что у зеков ты в авторитете, а вот с хозяином у тебя не сложилось – то БУР, то ШИЗО. Ладно, думаю, что теперь поделаешь, главное, что живой. Переночевал твой посыльный, про деньги не спрашивал, а наутро уехал. Я и успокоился, уж больно большие деньги, миллион, не меньше. Прав я, ай нет?

– Прав, Семеныч, почти. Остальные тоже в надежном месте.

– А как твой ограбленный? А менты? Они, небось, тоже тебя ждут на свободе. Поостеречься бы не мешало...

– Ограбленному не до меня, пока я сидел, он за границу свалил. А вот ментам повезло меньше, им еще лет пять рукавицы шить в Нижнем Тагиле.

– Стало быть, есть Бог, есть. И куда ж ты теперь?

– Туда, где надежное место, к морю. Ты Саню Осина помнишь? Мы с ним лет двадцать назад на охоту к тебе приезжали вместе с отцом.

– Это который детдомовский? А кого еще помнить, он один из твоих дружков здесь и бывал. Значит, к нему. И надолго?

– Не знаю. Отдохну, оклемаюсь, а там видно будет.

Два дня они пили самогон на кедровых орехах, ели строганину из нельмы, а на третий, когда стали прощаться, Нефедов признался:

– Вот провожу тебя и тоже начну собираться. Племянница была тут в Покров и разревелась, гляючи на меня. Поехали, говорит, за ради Христа, кому ты здесь нужен. У них, мол, квартира и прочие удобства, вроде больницы. Вот и решил – поеду, пора.

– Вот и хорошо, – похвалил старика Арсеньев. – Кстати, я там на комоде 50 тысяч оставил, долларов. Для улучшения жилищных условий и для прочих удобств, вроде хорошей больницы. Племяннице скажешь, сын покойного друга заезжал. Прямиком, мол, с якутских приисков. И запиши-ка мне адресок племянницы на всякий случай. А пистолет оставляю, утопи его к чертовой матери.

3

На одном из поворотов машину качнуло, и Арсеньев прислушался.

– Да и место у нас тут спокойное, приветливое, – говорил Семен. – Музей имеется, санаторий и прочие культурные заведения. По размаху не Анапа, конечно, но и у нас в сезон оттянуться можно. Я вот, к примеру, все побережье насквозь проехал, все повидал, и что? Отвечаю как есть: море у нас чище, народ проще, а сервис душевнее. А горы? С них, между прочим, речка бежит чистейшая, а в речке форель обитает. Что скажешь?

Арсеньев промолчал, он вспомнил другую речку в каменистом ущелье в Чечне, подбитый БМП, уткнувшийся в скользкий валун, хриплый мат взводного Тулигена и липкое от крови цевье калаша...

– Семен, ты правда думаешь, по чубатым шарахнем?

– Шарахнем, у нас выхода нет.

И снова услужливая память перенесла Арсеньева в прошлое. На этот раз в старинное украинское село рядом с польской границей, куда его, семилетнего мальчика, взяли с собой родители, повезли на смотрины еще к одной бабушке с таинственным именем Ганна. Впервые в такую даль из Сибири! Всё в первый раз. И купейный вагон с веселой проводницей в униформе, и ароматный чай, и мягкая верхняя полка,

откуда он заворожено глядел в открытое окно на летний Урал, на его зеленые горы с пологими склонами, на которых то и дело возникали живописные деревушки. А потом Москва, пересадка и пара свободных часов на экскурсию к Мавзолею, где на Красной площади он столкнулся со своим сверстником негритенком и остолбенел при виде его красных обезьяньих ладошек. Снова поезд, и вот Украина – бесконечные степи и аисты, средневековый городок с костёлом и шумной базарной площадью и, наконец, рейсовый автобус, за пару часов доставивший их в то самое, потонувшее в садах село со всеми его хатами, бесчисленной домашней живностью и неглубокой рекой с названием Горынь. Сады и правда были там хороши, в его холодном краю такие красивые фрукты он видел только на рынке. Речка тоже имела отличие, не ловилась в ней ни метровая щука, ни полновесный муксун, а все, что ему попадалось на удочку, это мизерная рыбешка, прозванная местными «верховодом». Бабушка Ганна, худощавая полька с иконописным лицом и натруженными руками, терпеливо чистила его скромный улов и жарила на сковороде, посыпав зеленым луком и обильно залив яйцами. А еще оказалось, что помимо бабушки у него полно родственников всех возрастов, от стариков до смешливых дивчин и парубков. От этих родственников он впервые услышал странное слово «кацап», и все они наперебой зывали отца на чарку. Однажды в соседнем дворе дяди Бориса, рыхлого, добродушного толстяка с кабаньими глазками, он наблюдал, как гнали самогон из громоздкого аппарата и готовили домашнюю колбасу, набивая начинку в свиные кишки. А позже все дружно обедали за крепким столом в тени фруктовых деревьев. Тень не помогала, и мужчины сидели, раздевшись по пояс, – дядя толстый, с отвисшей женской грудью, поросшей рыжим волосом, и отец – сухощавый лицом, с рельефными мышцами поджарого тела. Он хорошо помнил, как сын дяди Мишка, веснушчатый полный подросток, подошел к отцу, ощупал бицепс и восхищенно сказал: «Потужно!» В ответ отец рассмеялся: «У тебя батька, вон какой здоровенный», на что тетя Зося (жена «батьки») со смущенной улыбкой махнула рукой, а Мишка скривился и выдал: «То сало»... И конечно, двоюродная сестра Яна, статная загорелая красавица с темной родинкой на переносице, про которую дядя Борис как-то сказал: «Дюже гарна дивчина». Русоволосая, озорная, в то лето она окончила сельскую восьмилетку и по-хозяйски взялась опекать маленького Арсеньева. Это она достала для него у своих друзей удочку, это с ней они таскали из соседних курятников яйца из-под наседок, как будто своих не хватало, и это она однажды взяла его в свою кампанию, готовившую набег на совхозные бахчи за селом. «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут...» Бахчи растянулись выше по реке, и ребята придумали сплавлять арбузы вдоль берега вниз по течению, где девчонки кто по грудь, а кто вплавь вылавливали добычу. И Арсеньев помогал из всех своих детских сил – подныривал, подталкивал тяжкие ягоды к травянистому берегу. Позже у бабушки Ганны, в «летнем» флигеле, куда они перетасчили свою долю, она, не обращая на него внимания, стянула с себя мокрую одежду и, нагая, принялась вытирать голову вафельным полотенцем. И ему она вытерла голову, со смехом сказав при этом: «Чого рот открыл? Ось це рыбалка, не то що твои верховоди». А потом чмокнула его в губы, оставив привкус прохладного молока. Что он ощутил тогда, семилетний, глядя на ее круглые руки, на алые соски, маячившие у самого лица, он так и не понял, но ощущение было волшебным.

Давно нет на свете бабушки Ганны, и дядю Борю свел в могилу цирроз, про Яну ничего неизвестно. И о Мишке ни слуху ни духу – может, целится сейчас с бруствера в москалей...

4

– Скоро будем, – донеслось до Арсеньева. – Ты не уснул?

Дорога уходила вверх извилистым серпантинном, петляя вдоль отвесных скал и обрывов.

– Высоко, однако, Петрович забрался.

– Выше не бывает, – сказал таксист, переходя на пониженную передачу. – Сам увидишь – крутое местечко.

За очередным поворотом машина резко взяла вверх, и они оказались на ровном плато размером с футбольное поле с вечнозеленым газоном, с десятком пирамидальных кипарисов, в беспорядке высаженных лет пятьдесят назад. С обеих сторон плато нависали слоеные, как пирог, выщербленные утесы, а по линии обрыва над морем на уровне груди тянулся белый парапет из ракушечника. Под одним из утесов сквозила белыми колоннами греческая беседка с голубым куполом, одинокая и романтичная в своем одиночестве. Будь Арсеньев художником, он тотчас вообразил бы там юную барышню из XIX века, бледную, с розовой пелериной на хрупких плечах, а рядом длинноволосого поэта в поношенном сюртуке, держащего на отлете тетрадь и декламирующего звучные строки, призывающие кого-то за что-то бороться и умереть. Но Арсеньев не был художником. Глядя на беседку, он вообразил летний утренний бриз и смуглую обнаженную женщину, поднявшуюся в эту беседку по крутой тропинке из моря, насмешливую, желанную, с расплетенной мокрой косой...

Семен въехал на асфальтированную парковку, где мокли два черных внедорожника и красный седан, и вопросительно заявил:

– Может, мне тоже в кабачок прогуляться, давненько я Петровича не видал.

– Неплохая идея.

– Как тебе видуха?

Что ж, «видуха» была на славу. Да и сам «кабачок» на редкость удачно дополнял этот своеобразный ландшафт. Прямо посреди поляны темнело приземистое двухэтажное здание из горного камня, стилизованное под шотландскую таверну – с островерхой черепичной крышей, с высокой кирпичной трубой, похоже, каминной, с узкими окнами-бойницами, забранными на первом этаже решетками в виде перекрещенных стрел. У входа на стальном крюке висела рында. Но вывеска была неоновая, а над козырьком торчала тарелка спутниковой антенны. Чуть в стороне, на фоне развесистых голых магнолий, белел фасад флигеля с остекленной верандой, окруженный живой изгородью из самшита.

Они подошли к полированным, тяжелым по виду дверям с замысловатым узором, и Арсеньев сказал:

– Нет, «Шесть склянок» никуда не годится. Назвал бы лучше: «Адмирал Бенбоу».

– Читал. Но «Бенбоу» плохо кончил, помнишь?

– Помню. А потом они завладели пиратским золотом и прикупили новый трактир под названием «Шесть склянок».

Арсеньев толкнул кулаком дверь, и они оказались в просторном сумрачном зале, где было все, что положено для измученных жаждой

матросов: массивная барная стойка цвета мореного дуба, за ней пирамиды бутылок и скучающий молодой человек в красной жилетке и белой рубашке с бабочкой. Центр зала занимал длинный широкий стол в окружении крепких стульев с высокими прямыми спинками. Под потолком на цепях висела кованая железная люстра с неоновыми лампами в виде свечей. Если к этому добавить несколько ветвистых рогов и пару оскаленных волчьих голов по стенам, да закопченное жерло каминна, да крутую лестницу, приглашающую гостей в уютные кельи, можно смело сказать – обстановка располагала к общению.

5

В дальнем углу у круглого стола, занятые разговором, стояли двое. При появлении незнакомцев один, в белом кителе и белом поварском колпаке, простился кивком и, прихватив со стола меню, удалился. Второй, упитанный коротышка в клетчатой рубашке и джинсах, направился прямо к Арсеньеву, а подойдя, оказался смутно похожим на знаменитого актера в известной роли трактирщика, только без хитрой улыбки и стетсона. Он крепко сжал руку Арсеньева ниже локтя, ткнулся головой в грудь и, отступив, почесал затылок:

– Бледно выглядишь, Рома.

– Зато ты хоть куда.

– Мне простительно, жизнь такая.

И обратился к таксисту, молча разглядывающему потолок:

– Сема, прогуляйся за стойку, найдешь в кабинете Татьяну Ивановну, выпей чего-нибудь за мой счет и нам бутылку текилы принеси в бильярдную.

– Спасибо, Петрович, – отозвался таксист. – Выпью, пожалуй. У тебя и выпить не грех.

Таксист ушел. И лишь в бильярдной, где рядом с кожаным диваном красовалась в бочке пальма с мохнатым стволом, они крепко обнялись и обменялись набором тех слов, которые в книгах обозначаются многоточием.

Усадив Арсеньева на диван, Осин подкатил сервировочный столик, достал из холодильника несколько банок пива и за двадцать минут кратко и точно обрисовал свое прошлое и настоящее. И так, имея на руках полмиллиона зеленых, полученных от Арсеньева, он приехал в это райское захолустье с твердым желанием выгодно разместить и приумножить доверенный ему капитал. Обладая природным обаянием, деловой хваткой и волчьим нюхом на полезных людей, за несколько лет он почти добился намеченного: открыл магазин косметики рядом с местным театром, на живописной горе приобрел и перестроил умирающий мини-пансионат (профсоюзный барак советского времени), купил дом у моря, успел жениться и развестись. Осталось дожидаться Арсеньева. Шло время, и как-то само собой он оброс не только жирком, но и массой необходимых связей, где не последняя роль отводилась и местному смотрящему, и полицейским начальникам – любителям погулять за счет заведения. Расчетливый делец и беспечный кутила, он был чертовски умен и точно знал, где надо рывкнуть, а кому вовремя «подстелить», не теряя достоинства.

– Сколько трудов сюда вбухано, Ромка, – заключил Осин, откидываясь на спинку дивана. – Одно строительство чего стоило. А газ, отопление, кухня! Все, все пришлось с нуля поднимать.

Арсеньев уложился еще короче, отдельно упомянул о Нефедове. В заключение кивнул на спортивную сумку, оставленную на бильярдном столе:

– Там остальное. Тебе виднее, как их в дело пустить.

– Не мне, Рома, а нам. И вообще, все тут твое, я только за хозяйством присматривал.

– Не прибедняйся, тебе на роду написано банковать. Будь я на воле, промотал бы все до последнего цента.

– Стараемся потихоньку, – нахмурился Осин. – Как там старик?

– Сдал, но хорохорится. Беспокойно мне за него. Кстати, вот тут его адрес, положи-ка в сейф, не дай бог, затеряется.

– А может, это... переместить его сюда аккуратно? Поближе к солнышку.

– Есть такая мысль. Но умные люди говорят, что стариков опасно с насиженного места трогать. И родня у него проживает в районном поселке. Вроде как туда собирается.

– Денег отвалил на переезд?

– Само собой.

– Хрень это все! Приберут деньги, а самого в богадельню отправят, помяни мое слово. Он десять лет тебя ждал, ты один у него остался. Нет, надо забирать старика. Отдохнешь, а ближе к лету провернем это дело.

– Надо дом найти подходящий.

– Вот ко мне и заедет. Море, сад, красная черепица. Чего еще в преклонные годы желать?

– Черепица, говоришь. А чего развелся?

– Не везет в семейной жизни, братишка.

– С молодыми и высокими?

– Вот именно. Здоровья на них немерено надо.

– Надо по росту искать. Нашла кого-то втихую?

– Это ей казалось, что втихую, я ее быстро вычислил. Она ведь вначале у меня работала, Рома, директором здесь была.

– Ну и дела.

Осин с шипением открыл банку пива, смахнул пальцем бугорок пены и приложился.

– Но разошлись мы без скандала, – продолжил он, отдуваясь. – Ты меня знаешь. Я тебе больше скажу, она и теперь работает у меня директором.

– Догадываюсь, в магазине косметики.

– Точно, дело свое она знает. А с этим сошлась, живут-поживают.

– А с кем теперь ты?

Осин развел руками:

– Говорю же, дело свое она знает. Приезжает домой раз-другой в неделю. К тому же уборка на ней.

– Н-да...

Пришел таксист, принес бутылку «Ольмеки». Следом появилась симпатичная женщина с короткой каштановой стрижкой, в черном брючном костюме и туфлях на низком каблуке. На ладони она несла миниатюрный поднос с толстыми квадратными рюмками, порезанным лимоном и пачкой «Винстона» в чистой пепельнице.

– Может, вам соли принести? – сказала она Арсеньеву и склонилась, поставила поднос на столешницу. Удлиненная прядка упала на щеку, в углубившемся вырезе пиджака появилась черная перемычка

бюстгальтера. – Это я к тому, что Александр Петрович у нас без претензий.

– Ну не надо, не надо вот этого, Татьяна Ивановна, – поморщился Осин. – Мы люди простые, чистый спирт снегом закусывали. И вообще, сказали бы прямо, что прибежали посмотреть моего друга. Влюбляться не рекомендую, к тому же вы замужем. Прошу любить и жаловать: Роман Василич.

– Просто Роман, – поправил Арсеньев. Он дегустировал тонкий запах духов, появившийся после прихода женщины, и ощущал необыкновенную легкость и спокойствие духа.

– Все мы одинаковы, – сказала Татьяна Ивановна. – К тому же вы так загадочно упоминали о нем.... Так принести вам соли?

– Обойдусь лимоном, – улыбнулся Арсеньев. – А я думал, вы тут виски пьете, судя по обстановке.

– Ага, понравилась моя шотландская обитель? – прищурился Осин, разливая текилу.

– Волынщиков не приглашаешь по праздникам?

– Прихожане не оценят. Ну, давайте за встречу. И вы тоже, Татьяна Ивановна.

– Нет, я за рулем, – ответила женщина, не сводя с Арсеньева сморщенных немигающих глаз.

– Я тоже за рулем. Рюмка не навредит, машину мы вам подшаманили, водите вы хорошо.

– Договорились. – Она присела на стул. – Но если меня остановят, отдуваться будете вы.

Беседа продолжилась, и по ходу её Семен снова вспомнил про Донбасс, про беженку, приехавшую с двумя детьми к соседям месяц назад.

– Муж погиб, – говорил он ворчливо, – дом в деревне в труху. Нет, пора с этим кончать.

– Сема, не заморачивайся, – строго произнес Осин. – Если начнется, мы их за неделю порвем.

– Если начнется, я в ополчение запишусь, – неожиданно грохнул Семен. – У меня брат двоюродный из Донецка, с 14-го года в ополчении, я с ним на связи.

Это прозвучало так внезапно, что все вдруг замолчали, повисла неловкая пауза.

– А ты хорошо подумал? – нарушил тишину Осин.

– Я думаю об этом весь последний месяц, хватит думать.

– Сема, черт подери, тебе на пенсию скоро готовиться.

– По нынешнему закону мне далеко до пенсии, а на войне буду снаряды подвозить, раненых вывозить, работы хватит, всё какая-то польза.

– Знаете, я, пожалуй, пойду, – сказала Татьяна Ивановна и поднялась, оправляя на бедрах пиджак. – Мне еще поработать нужно. А вы, Александр Петрович, подыщите Роману подходящую обувь и прочее, у нас тут не север.

При этих словах Арсеньев коснулся рукой своего толстого свитера и озабоченно уставился на ноги, обутые в зимние кроссовки. А Осин отчеканил:

– Вот вы и подыщите, никто лучше вас не сумеет. Очень прошу.

Женщина направилась к выходу, но у дверей повернулась и склонила голову к плечу:

– Слушаю и повинуюсь.

– Замужем, говоришь? – спросил Арсеньев, как только закрылась дверь.

– Замужем. Такие бабы одинокими не бывают.

– А муж...

– Вот что мы сделаем. Я позвоню сейчас знакомой массажистке, она все проблемы решит.

– Не надо, я в поезде отстрелялся.

– Я думал, тебя теперь месяц от баб не оттащить.

– Стареем...

– Не гони, – с досадой отмахнулся Осин. – Похудел, конечно, но так даже лучше, чем-то на грузина смахиваешь. Ты на меня посмотри или вон на Семена. Вот кто видоизменился, прямо скажем, не в лучшую сторону. Прав я, Семен?

– У меня работа такая, – буркнул таксист.

Наконец допили бутылку, и Осин позвал к себе в кабинет. Семен стал прощаться:

– Спасибо, Петрович, за угощение, поеду домой. А ты, Роман, звони в любое время, доставлю куда угодно.

6

В зале произошли изменения. Появилась официантка в клетчатой зеленой юбке и белой рубашке с галстуком, звучала музыка в стиле кантри, а в середине стола, загроможденного кружками с темным пивом, коротали время трое угрюмых мужиков в кожаных куртках. Когда Осин подошел, они поднялись, пожалы по очереди ему руку и снова принялись за пиво.

– Вадик, – сухо обратился Осин к бармену. – Принеси-ка в кабинет добавку, выбери на свой вкус. И захвати «Белую лошадь». А Наталья пусть горячего сообразит.

– Будет сделано, – напрягся чернявый Вадик, отводя в сторону умные и влажные, как у собаки, глаза.

– Хороший ты работник, Вадик. – Осин через стойку поманил его пальцем. – И смекалистый, а? Я знаю – воруют все, везде, где могут. Но у меня есть правило – во всем знать меру. Не нарушай это правило, Вадик. Я человек добрый, но еще раз узнаю, я тебе обрезание сделаю твоими щипцами для льда.

И они удалились, оставив бармена на грани обморока.

Как выяснилось, и кабинет не имел особых претензий: обычный офисный стол с монитором компьютера, на стене телевизор, по периметру несколько мягких стульев. Но за высоким казенным стеллажом находилась симпатичная дверь, оклеенная ореховым шпоном. Она и открывалась в то самое место, именуемое по обычаю комнатой отдыха. Там тоже стоял бильярдный стол, но поменьше, зато кожаных диванов было два, но широких. Сюда же входил набор необходимой мебели. Взглянув в зарешеченное окно, Арсеньев отметил, что машин на стоянке прибавилось, но отсутствовал красный седан. Значит, уехала Татьяна Ивановна.

Они уселись в кресла и закурили.

– Какие мысли? – небрежно поинтересовался Осин. – Программу составил?

Арсеньев докурил, поднялся из кресла и снова подошел к окну, бросил взгляд на парковку, где трое в куртках садились в затонированный белый кроссовер.

– Санек, за десять лет я много чего составил. А теперь сам не знаю, что с этой свободой делать. Все изменилось, даже люди говорят по-другому. И думают тоже: никогда бы не поверил, что таксист захочет

добровольно за Родину воевать. Не хочу загадывать, как масть ляжет, так тому и быть.

– Понятно. А это значит, надо всерьез устраиваться, документы выправить. Я пока правильно рассуждаю?

– Правильно, но ведь долгая волокита начнется.

– Не больше недели, ну две. Это я беру на себя, проблем не будет. И заметь, все по закону.

– А сам-то ты как тут – по закону или понятиям?

– Какие понятия? Смотрящему 25 лет от роду. По натуре из тех, кто у одноклассников деньги обеденные выколачивал. Мелкая самодовольная сволочь. Нет теперь понятий, Рома, одни декорации.

Пока говорили, дважды приходил бармен, расставлял то вино, то закуски. Потом появилась баранина с грибами в белом соусе, с острым перцем и зеленью. А дальше ели и пили все подряд, и продолжалось это довольно долго.

– Может, на воздух? – предложил захмелевший Осин. – Дождя нет, давай-ка прогуляемся.

Народу в зале заметно прибавилось, музыка звучала громче, с некоторыми из присутствующих Осин здоровался за руку.

На крыльце они опять закурили и, не сговариваясь, направились по газону к обрыву, подойдя к парапету, облокотились. Быстро наступали южные сумерки, длинные облака, похожие на серебристые дюны, неумолимо уходили за море вместе с розовым солнцем, мерцающим у самой кромки воды. И глядя на солнце, на облака, чувствуя кожей легкий, по-особому мягкий ветер, Арсеньеву невыносимо захотелось женщину, ее теплых ласкающих рук, поцелуев...

– Саня, может, позвонить этой массажистке?

– Я час назад позвонил, – невозмутимо ответил Осин. – Но не массажистке, а Маринке. Она в конце стойки сидит, пьет сок и книжку читает.

На мгновение Арсеньев опешил:

– Книжку?

– Ну да, она ведь библиотекарь. Ну да, странная немного, зато стройная, как статуэтка, и чистейшие синие глаза.

– А почему странная?

– Потому что бросила университет в Ростове и переехала в наше захолустье к тетке. Морем любоваться.

– Я тоже приехал морем любоваться. Ты где ее откопал?

– На берегу.

– На берегу?

– Смотри, вон там, у беседки есть удобный спуск к морю. Так вот, спускаюсь однажды, иду в свое местечко у скал и вдруг вижу – лежит у валуна на боку это создание, причем совершенно голое, и книжку чертову читает. Потом книжку бросила, поднялась, и с разбегу прямо в волну. А когда вышла, руки скрестила на затылке и долго стояла, глядя на море. А на море ничего, кроме чаек. Картина, скажу я тебе. Потом вернулась, легла на спину и прикрыла глаза рукой.

– А ты?

– Закурил и пошел прямо к ней. А она, садитесь, говорит, если не страшно брюки испачкать. Вот так и познакомились.

– Уболтал?

– Не получилось. Поговорил и понял – порожняк. Она мне вроде сестренки. А вот ты ей подходишь.

– Хорошо, позвонил. А что сказал про меня?

– Сказал, что брат приехал. Я и раньше ей говорил, что брат, мол, в Сибири живет, ко мне собирается...

– Ты ведь это знакомство еще до моего приезда задумал?

– Подумывал, да не знал, как обставить. Ладно, пошли в кабинет. Брякну Вадику, он ее пригласит.

7

И Вадик пригласил. Улыбаясь, она выглянула из-за его спины, потом вышла вперед, и оказалось, что Осин довольно похоже описал ее на словах. Разве что не сказал про ямочки на щеках да про блестящие ореховые волосы, хвост которых лежал на плече синей стеганой куртки. Через другое плечо на длинном ремешке висела сумка. Гардероб довершали объемная кепка, джинсы в обтяжку и черные шнурованные ботинки на низком каблуке. В высоких она не нуждалась. Осин был прав, сложение безупречное, и даже через куртку чувствовалась, насколько тонка ее талия.

Как только дверь за барменом закрылась, девушка наморщила нос, бросила сумку на диван и напрямик направилась к мужчинам, стоявшим у подоконника. Со словами: «вкусно пахнет», – она поцеловала Осина в щеку, а Арсеньеву подала руку, пальцы которой он с осторожностью свернул кулачком в своей широкой ладони. Пошевелив кулачком и убедившись, что ему там очень уютно, девушка подняла на него глаза и тихо рассмеялась:

– Какой вы большой! – И прижалась щекой к его свитеру на уровне диафрагмы. Затем снова подняла голову и мечтательно завела глаза: – Какой теплый. Из козьего пуха?

– Из него.

– Я Марина, – со вздохом сказала девушка. – Неудачное имя. А вы Роман, Сашин брат из Сибири.

– Точно, – вмешался Осин, усаживаясь в кресло. – Можешь не сомневаться.

– Я и не сомневаюсь. – Она смерила их взглядом. – Вы «Близнецов» со Шварценеггером смотрели?

Осин схватился за голову.

– Ну, Саша, шуток не понимаешь? – Она легко прошла по комнате, на ходу снимая и бросая куртку и кепку на диван. Осталась в белой футболке на голое тело. Осмотрев себя в зеркало, потрепала косую челку и повернулась к Арсеньеву:

– Роман, если хозяин устал, давайте с вами продолжим банкет. Я вообще-то не пью, но сегодня выпью немного. И поем, у вас тут столько вкуснятины.

– Остыло все, – сказал, поднимаясь, Осин. – Пойду, скажу, чтобы заменили.

– Не надо, это будет холодное мясо по-шотландски.

Осин подошел к ней и положил руки на плечи:

– По-шотландски мясо подают говяжье, а это баранина. Какую выпивку заказать?

– Значит, я буду баранину. А выпивку... Пусть Вадим «мимозу» приготовит, быстро и вкусно.

– А может, чего покрепче, за встречу? – настаивал Осин.

В ответ она положила поверх его рук свои:

– От этого «чего» у меня через пять минут глаза начнут слипаться.

Осин ушел, а через пять минут появился Вадик с отпотевшей бутылкой шампанского, графином апельсинового сока и бокалом желтого коктейля с апельсиновой долькой. Он составил с подноса напитки, загрузил его пустой тарой и сказал будничным голосом, вынимая из кармана связку ключей.

– А шеф уехал, просил передать ключи от кабинета и свои наилучшие пожелания. Приятного отдыха. Кстати, там за портьерой имеется еще одна комната с душем и всем остальным. – И положив на край стола связку, удалился вместе с подносом.

На минуту воцарилась тишина. Потом она притопнула каблук и нервно прошлась по комнате, с грохотом зацепив стул. Вернувшись к столу, вынула из бокала соломку и, не отрываясь, выпила добрую половину содержимого. Щеки ее горели.

– Мне кажется, что «шеф» торопит события. Вы ведь тоже так думаете?

– Простим его – он для брата старался. Посидим немного, и я провожу тебя на такси. Так подходит?

Она села за стол, воткнула соломку в бокал и задумалась, помешивая коктейль.

– Он всегда такой обстоятельный, умудренный. – И снова наморщила нос. – Но иногда бывает просто бестолковым, иначе не скажешь. Старался для брата. Взять и разрушить вот так всю компанию. – Она потянула через соломку коктейль и вздохнула. – Ладно, притворимся, что у него срочные дела.

Арсеньев присел на подоконник:

– Не злись. Ты для него особый случай. Знала бы, что он думает о тебе...

Она тут же прищурилась:

– Он рассказывал о нашем знакомстве?

– Не помню.

– Рассказывал, рассказывал. Комбинатор. Наверно думает, что мы уже спариваемся.

– Клянусь, ничего не знаю.

– Правда?

– Правда.

– А почему улыбаетесь?

– Любуюсь тобой.

Арсеньев перешел от окна к столу и уселся на стул, плеснул в рюмку виски. Она в молчании принялась за еду. Иногда прерываясь, вытирала губы салфеткой и наливала в стакан сок из графина. Покончив с ужином, сходила в кабинет и принесла два высоких тонких бокала, поставила рядом с шампанским.

– Откроете?

Он встал, бесшумно открыл бутылку и разлил по бокалам вино. Она взяла бокал двумя руками, прижала к груди и, помедлив, подняла голову, ее аквамариновые глаза смотрели пронзительно и спокойно. Арсеньев понял, в эту минуту она принимает окончательное решение.

Она глубоко вздохнула:

– А теперь за знакомство. Например, я работаю в библиотеке. А вы?

– Я безработный.

– Чокаться нужно?

– Не знаю.

Они, не чокаясь, выпили, она вернула ему бокал и завела руки за голову, освободила хвост от заколки, волосы рассыпались по плечам.

В это время просигналил невидимый мобильник. Она отошла к дивану, нашарила в сумке телефон и приложила к уху:

– Ах, это ты, провокатор несчастный! – Она включила громкую связь. Из трубки донеслось:

– Так получилось, малышка. Дела призывают. Надеюсь, я не нарушил...

– Да, нарушил. Свалился как снег на голову. У меня все еще бедра дрожат.

– О, черт, хотел бы я сейчас на тебя посмотреть.

Она бросила телефон на куртку, поднялась и вернулась к столу.

– Допьем?

– Конечно.

Она медленно выпила до дна, поставила бокал на место и вновь прижалась щекой к его свитеру:

– Все хорошо, но завтра мне с утра на работу.

Он поднял ее голову за подбородок:

– Отложим на выходной?

Она прижалась сильнее.

– Нет. Сейчас уже поздно откладывать. У меня и правда ноги дрожат.

– Надеюсь, не от страха? – сказал он, и подхватил ее на руки.

Она обняла его и прошептала в ухо:

– Я тебе не скажу...

Но сказала, конечно. Ночью, когда от прилива нежности что-то бесвязно шептала, блуждая губами по всему его телу, и даже утром, когда он обхватил ее через прозрачную шторку под душем.

– Ну, перестань, – смеялась она, путаясь в шторке. Потом показала лицо в мокрых прядях волос. – Знать не желаю, что будет дальше. И ничего не говори.

Он укутал ее полотенцем, перенес на диван и сказал, вытирая голову:

– Дальше я позабочусь. Сядем на белый пароход и отправимся на какой-нибудь Зурбаган.

Она рассмеялась и поцеловала его в нос:

– Смешной ты, Рома. Сказки Грина читаешь?

– А ты?

Она освободилась из его рук и, поднявшись, приблизилась к зеркалу, внимательно осмотрела себя.

– Я в школе Франсуазой Саган зачитывалась. Просто влюбилась в нее без ума.

Она повернулась к нему, прикрыв рукой темный мысок внизу живота, глаза ее улыбались:

– Может, мне тут все сбрить? А ты мне поможешь...

Он молчал, с трудом подавляя желание завалить ее на диван.

– Значит, не буду. Глупости это все.

Она собрала в охапку одежду и направилась в ванную комнату:

– Я быстренько, буквально минуту. Ты вызвал такси?

– Даваем-давно.

Арсеньев подошел к окну и сквозь решетку увидел стоящий на парковке «форд» Семена. А через минуту рядом пристроился красный «фольксваген» Татьяны Ивановны.

– Кажется, я готова. Можно ехать.

Она стояла перед ним в застегнутой под горло куртке, надвинутой на лоб кепке, и смотрела в окно, покусывая губы.

– Рома, проводи меня до машины – и все. И не нужно целоваться на улице.

– Это еще почему?

– Не люблю быть объектом насмешек.

– Да кому это в голову придет?

Она указала рукой на «фольксваген»:

– Не беспокойся, найдется кому. Думаешь, я не вижу, как она улыбается мне каждый раз при встрече? Вообразила, что я сплю с твоим братом. И что вообразит теперь?

Чуть погодя он усадил ее на заднее сиденье «форда», обошел машину и пожал, протянутую из окошка руку, оставив в ней деньги.

– Семен, отвези девушку куда попросит. Поменьше вопросов и никаких ответов.

Таксист кивнул, и машина осторожно стала выворачивать на дорогу.

9

Через час приехал на своем внедорожнике Осин. В сером деловом костюме вошел в кабинет, положил на стол смартфон и сказал:

– Это тебе, вбил несколько номеров, в том числе Маринки, разберешься?

– Разберусь.

– Ну, как прошло, нормально?

– Ты о чем?

– Ты дурочку не включай.

– Братишка, она прекрасна. Больше ничего не скажу.

В дверь постучали, и кабинет вошла Татьяна Ивановна, в руке она держала вместительный пакет с логотипом известного бренда. Бирюзовый костюм с зауженной юбкой сидел на ней идеально. Подойдя к столу, женщина достала из пакета коробку и протянула Арсеньеву.

– Вот, захала вчера в магазин и взяла примерить. Это хорошая итальянская обувь. Если не подойдет, подберем другую.

Он открыл коробку. Отличные туфли из мягкой телячьей кожи, они чудесно пахли и сами просились на ногу. Усевшись на стул, он снял кроссовку и примерил. Затем встал и для убедительности сделал пару шагов вдоль стола.

– У вас отличный вкус.

– Берете?

– Разумеется. Но к хорошей обуви нужен подходящий костюм. И пару рубашек. Можем мы это оформить?

– Прямо сейчас?

– А это сложно?

В местном ТЦ она долго водила его между рядами костюмов, с одних снимала чехол, пробовала на ощупь и прикладывала на вытянутой руке к его груди, отводя назад голову.

– Вот этот, – наконец сказала она, остановив выбор на темно-синей двойке. – Тоже Италия, из муслина. Нравится?

– А вам?

– А рубашки возьмем голубую и белую.

У примерочной кабины она отвела вбок штору:

– Заходите. Когда примерите, оценим.

Иотошла, присела на твердый диванчик, сложив на коленях руки. О чем она думала в эту минуту, одному богу известно. Но когда из кабины послышался озабоченный голос, вздрогнула, словно ее ударило током:

– Черт, не могу с рубашкой справиться. Танюш, помогите, запутался я в этих булавках.

Сцепив на коленях пальцы, женщина в оцепенении посмотрела на штору. Потом поднялась и неуверенно прошла в кабину. С голым торсом и в новых брюках Арсеньев стоял у высокого зеркала и задумчиво смотрел на нее, держа в опущенной руке наполовину развернутую упаковку. В молчании она освободила от булавок и зажимов рубашку, расстегнула пуговицы и, зайдя ему за спину, помогла вдеть в рукава его большие сильные руки. Когда поправляла на шее воротник и коснулась кожи холодными пальцами, они задрожали. Он замер, но тут же повернулся и стальной хваткой сжал ее запястья. Она в отчаянье прошептала:

– Нет, мы здесь не должны...

Он встряхнул ее за руки:

– Да что с вами? Напугали меня – пальцы совсем ледяные. Как мне рубашка, впору?

– Что? – сказала она тупо и отшатнулась, освобождая руки. – О, боже....

Немного позже, съехав в одном из переулков на обочину, она заглушила двигатель и сказала, опустив на руль голову:

– Дай, пожалуйста, закурить.

Он поспешно вытащил пачку «Винстона», прикурил:

– Но ты ведь не куришь?

Она сделала легкую затяжку.

– Когда-то курила...

Она еще раз затянулась, бросила окурочек в окошко и сказала, опустив голову:

– Там в кабинке я уж было подумала, что ты... что мы.... В общем, у меня только одна просьба – пусть это останется между нами.

Он коснулся рукой ее волос:

– Успокойся. Давай-ка лучше в парикмахерскую заскочим, раз уж пошла такая пьянка.

10

Еще через час машина припарковалась на стоянке Осина.

– Иди похвастайся, – сказала Татьяна Ивановна с невеселой улыбкой. – Думаю, он оценит. А я поехала, беру выходной.

Арсеньев, одетый с иголки во все новое, преобразился до неузнаваемости. Он понял это еще в парикмахерской, когда седая девушка с выбритыми висками и цветным драконом на предплечье убрала с него накидку, подправила расческой пробор на голове и увлажнила лосьоном гладкие до синевы щеки. А когда появился в кабинете Осина, окончательно утвердился в этом. Какое-то время тот непонимающе смотрел на него из-за стола, затем резко поднялся с открытым ртом, взмахнул рукой и снова вернулся в кресло.

– Ну, вы даете, – сказал он по слогам. – Я в шоке. Выпишу премию Татьяне, заслужила. Так, после работы заберем Маринку и поедем ко мне, пора осваиваться с новым жильем, хватит ночевать в кабинетах.

А вечером в библиотеке тоже случилось замешательство. Войдя, он никого не увидел и двинулся в читальный зал, где единственным

посетителем оказался мальчик лет десяти, сидевший за компьютером, дальше направился по коридору в другой зал, заставленный высокими книжными стеллажами, и наконец нашел ее стоящей у одной из полок с блокнотом и авторучкой в руках. Поверх футболки на ней была простая серая кофта, а на лице поблескивали симпатичные очки. Она встретила его виноватой улыбкой и близоруко сощурила глаза:

– Извините, подождите, пожалуйста, в читальном зале, я сейчас подойду. Вы записаться хотите?

И такая нежность охватила Арсеньева от этих слов, что захотелось немедленно взять ее на руки.

– Да, хочу, – сказал он сдержанно. – Сказки Грина имеются?

– Ой! – Она выронила блокнот и в изумлении отступила, прикрыв рукой рот. А через мгновение повисла у него на шее, обдав горячим дыханием, и уткнулась губами в щеку.

На этом романтика не закончилась. Они закрыли библиотеку, уселись в черный джип Осина, и через двадцать минут он привез их на ухоженную окраину, на одну из утонувших в садах улочек, где по традиции на лето сдаются гостевые дома. И арендуют их те умудренные жизнью люди, что предпочитают не шумный пляж и душный номер в гостинице, а тишину открытой террасы, благоуханье цветов и близость чистого моря. Встретила их белая каменная ограда в человеческий рост, стальные ворота, а за ними несколько соток земли обетованной – просторный двор с гаражом, летняя кухня под навесом из красной черепицы и, конечно, голый фруктовый сад, указывая на который Осин, морщась, сказал:

– Тут всего хватает, надо лета дожждаться.

И, разумеется, дом с террасой – основательный, двухэтажный, с четырехскатной крышей и выступающей отделкой углов черного цвета. Арсеньеву дом понравился. Но особенно второй этаж, где кроме ванной было две спальни с выходом на открытые лоджии и зал, обставленный мебелью из ротанга. Из большого окна открывался впечатляющий вид на бескрайнее серо-синее море, все в белых барашках, с пенистой прибрежной волной, набегающей на песчаную кромку пляжа. По берегу неторопливо шла простоволосая женщина в распахнутом плаще за руку с маленькой девочкой...

Спустившись вниз вслед за Мариной, Арсеньев прошел на кухню и уселся против стола на край углового дивана, девушка опустилась рядом. Осин резал охотничьим ножом на разделочной доске мясо, то и дело вопросительно поглядывая на них. И не вытерпел:

– Чего молчите, не нравится? Обставляла бывшая, все претензии к ней.

– Ты смотри не порежься, – сказал Арсеньев. – Дом замечательный. А супруге спасибо передай, все в лучшем виде.

– Сам передашь, когда приедет.

Она приехала к ужину, и оказалось, во-первых, что «молодая и высокая» не так уж и молода, как представлялось Арсеньеву, а во-вторых, если и высока, то исключительно на фоне низкорослого Осина. Круглолицая и худощавая, в темном габардиновом платье с белым воротничком, она коснулась у зеркала русых волос и сказала без всякого жеманства, подавая Арсеньеву руку:

– Маргарита. Можно Марго. А вы тот самый Роман?

В ее серых глазах Арсеньев не заметил и тени смущения, хотя она, безусловно, догадывалась, что он посвящен в перипетии ее семейной

жизни. За ужином она вела себя сдержанно, а когда вставляла в разговор пару слов, то всегда точных и по делу. Похоже, она была одной из тех своенравных женщин, которые не привыкли расточать любезности, дарить глупые улыбки и которым по барабану чужое мнение, поскольку на всё имеется собственное.

Вечер прошел на кухне, а ближе к ночи поднялся ветер и пошел дождь.

– Не люблю февраль, – сказала Марго. – Ущербный месяц. И всегда необъяснимое чувство тревоги. Хотя почему необъяснимое, вчера Олег заявил, что, вероятно, весной начнется война. Осин, война будет?

– Олегу видней, – съязвил Осин. – Он ведь у тебя за национальную безопасность отвечает. А если серьезно, то я уже ничего не понимаю: в телевизоре пугают, таксёр, которому без году неделя до пенсии, в добровольцы собрался, а народ, как посмотришь, живет себе в удовольствии. Какого черта! Ромка вон Чечню прошел, рассказывал.... Если такое же на Донбассе начнется, мало никому не покажется.

– Ладно, умник, пошли спать, – сказала Марго и потянула Осина за рукав. – Ребята, мы уходим, спокойной ночи.

Весь следующий день шел с перерывами крупный дождь, тяжелые капли густо шлепали в стекла веранды, а по временам, когда задувал шквалистый ветер, было видно, как гнутся и качаются голые кроны деревьев в саду. Но вот наступил вечер, кончился дождь, и на смену мглистому небу пришли большие кучевые облака, бело-розовые в лучах заходящего солнца.

В спальне у кровати горел торшер, Марина, лежа на спине, читала книжку, а на краю сидел Арсеньев и смотрел на экран телевизора, где сменялись живописные картины древнего Локронана. Сзади послышался вздох, и на его плечо легла теплая рука.

– Люблю Францию, всю жизнь мечтала съездить.

– Сюда?

– Нет, тут слишком навязчиво, красиво, похоже на декорации. Куда-нибудь в Бретань или Нормандию, в какую-нибудь нетуристическую деревню у моря. Снять комнату в старинном доме. Знаешь, там есть такие грубые каменные дома, которым лет по двести-триста, а может, и больше. Так вот, снять комнату, слушать в открытые окна прибой по ночам, а во время отлива собирать моллюсков у скал. Глупо, да? А теперь какая разница, все равно уже не получится.

– Это еще почему, теперь-то как раз и можно. И не комнату, а целый дом снять. А если надо, то и купить можно.

– У вас что, все в Сибири такие богатые? – рассмеялась она и уселась рядом. – Нет, Рома, теперь там русских не жалуют, Европа нас отменяет.

Он обнял ее, поцеловал в шелковистую макушку и снова испытал острое, почти болезненное чувство нежности.

– Ну и черт с ней, с Европой, мир большой, поедем в Бразилию, там все поголовно в белых штанах. На фавелы посмотрим, по Амазонке прокатимся...

Он переключил канал, и вся нежность в тот же миг улетучилась. В эфире возникла телеведущая с раскосыми глазами и конским хвостом на затылке. Одета в брючный костюм, она крепко, по-военному стояла на расставленных ногах и четким поставленным голосом призывала все кары небесные на голову бандеровского отребья, и советовала властям не испытывать долготерпение возмущенного народа, а нанести

сокрушительный удар по врагу. Ее слова сопровождалась кадрами бомбежек с разбитыми окнами магазинов, с убитыми людьми, разбросанными на тротуарах, с мужчиной, склонившимся у тела жены...

– Боже, Боже, – прошептала Марина, и закрыла лицо руками. – Что же это такое, Господи, когда же все это кончится...

– Прав был Семен, – проговорил задумчиво Арсеньев. – Надо было их раньше кончать, пока не оперились. Да, судя по всему, скоро начнется, у нас выхода нет. Но теперь будет сложнее.

11

Следующие несколько дней настроение не улучшили, скорее наоборот. Жизнь текла своим чередом, все были заняты на работе, а он бродил у моря или томился с чашкой кофе у телевизора, все больше мрачней от последних новостей из «зоны соприкосновения». К тому же погода была ветреной, злой: тяжелые тучи с северо-востока шли и шли бесконечным накатом, а море ходило и вздымалось гребнистыми чревами, как на картинах Айвазовского. Он спускался на кухню, выпивал рюмку коньяку, но это не помогало. И он опять садился у телевизора, чувствуя себя совершенно ненужным в этой паскудной обыденности, где на одних каналах русские люди гибли от пуль и снарядов, а на других не менее русские сладострастно готовили жратву или давились от смеха на театральных тусовках. Уж он-то точно знал, где мог пригодиться, и гораздо полезней Семена. Но разве это реально с таким прошлым? Когда вечером после работы Осин привозил Марину, душу отпускало, становилось легче, но с утра тяжелые мысли снова возвращались, и все повторялось сначала – кофе, телевизор, коньяк. В конце недели он не вытерпел и вызвал по телефону Семена. Снова шел дождь, но таксист улыбался, радостно говорил, лихо выкручивая на поворотах:

– Телик смотришь? Ходят слухи, наши скоро признают Республики. Улавливаешь, в чем суть?

– Улавливаю. Потом введут войска для защиты.

– Правильно. Брат звонил вчера, говорил: вот-вот и начнется.

Когда миновали вокзал, в одном из переулков Арсеньев обратил внимание на магазин сотовой связи и вспомнил про зарядник к смартфону.

– Давай заскочим, – попросил он таксиста.

Семен притормозил, сдал назад и остановил машину напротив зеркальной витрины. Собравшись с духом, они выбрались под дождь, стремительно вошли в магазин – и остолбенели от неожиданности. Прямо у входа в луже запекшейся крови, скорчившись, лежал молодой человек в джинсовом костюме, рыжий, с белым недовольным лицом и сощуренными, как у слепого, глазами. На левой стороне куртки висел именной жетон. Кровавый смазанный след тянулся к нему от прилавка, а за ним – полный разгром от спонтанного грабежа.

– А ты говорил, приветливый городишко...

Арсеньев шагнул вперед, присел у трупа на корточки и коснулся пальцами шеи.

– Паршиво, теплый еще. Думаю, он пытался не пустить этих придурков в закрома, за что и поплатился. Ну, все, уходить надо, с ментами мне лучше не пересекаться.

Арсеньев выпрямился и взглянул на таксиста. Тот был бледен, но внешне держался спокойно.

– Слить не получится, снаружи камера, – сказал он упавшим голосом.

– Тогда вызывай.

Семен позвонил по мобильнику, и через пять минут к магазину подъехали три машины: две полицейские «Лады» и «мерседес» песочного цвета с мигающим маячком. Оперативники быстро проследовали в магазин, а из «мерседеса» неторопливо выбрался высоченный альбинос в сером костюме и в лаковых серых туфлях. Он тут же прикрыл черной папкой белоснежный ежик на голове, поднялся на крыльцо и оказался почти одного роста с Арсеньевым.

– Ты вызывал? – обратился он к таксисту. – А это кто, пассажир?

– Да, клиент, – ответил Семен за Арсеньева. – Взял с поезда, по дороге заехали мобильник купить, а тут...

– Откуда? – спросил в упор полицейский.

– С севера.

– Зачем?

– Подлечиться.

– Это зимой-то?

– Разве это зима?

– И все-таки? – на губах полицейского заиграла улыбка.

– Радикулит замучил, – простодушно ответил Арсеньев. – Начальник нашей геологоразведки посоветовал. Отдыхал тут у вас в санатории лет десять назад. С тех пор про больницу забыл. Давай, говорит, поезжай, Роман Васильевич. Не пожалеешь.

– Не соврал твой начальник, – самодовольно сказал полицейский. – Ну, что ж, поскольку вы единственные свидетели и заодно понятые, зайдём на пару минут, а потом прокатимся в управление – объяснительные там, протоколы и прочая бумажная шелуха.

– Вы уж организуйте все поскорее, – попросил таксист, – я и так уйму времени потратил впустую.

– Не стони, – раздраженно ответил полицейский и первым прошел в магазин.

– Записи с камер проверили, – сказал один из группы. – Молодежь работала. Приехали на серой «хонде» с местными номерами, скорей всего, угнанной. Продавца пырнули, пинали, а двое других вытряхивали все подряд в баулы. Все быстро, не больше пяти минут. А эти приехали совсем недавно. Зашли и сразу вышли. Этот высокий пульс прощупал у пострадавшего. Вроде всё.

– Всё так всё, – сказал полицейский. – Это гастролеры. Местные такого не устроят. Отлично, работайте. А ты давай за мной вместе с отдыхающим, уладим формальности.

Через час они покинули управление, дождь поубавился, оловом отсвечивали тротуары. Едва расселись в машине, стоявшей под высоким каштаном, налетел порыв ветра, и на крышу с трескучим шумом обрушились несметные капли.

Спустя полчаса в таверне они обсуждали происшествие, и Осин говорил, расхаживая по кабинету и хватаясь за голову:

– Какого черта вас понесло в эту стекляшку! Ну какого?

– Да я зарядник хотел...

– Рома, блин. – Осин остановился и уставился на Арсеньева. – У меня этих зарядников штук пять по дому разбросано.

– Откуда я знал! – взорвался Арсеньев. – Увидел вывеску, и словно переключило.

– Ладно, проехали. Рыжий, говоришь? Я его знаю... знал, царствие небесное. Это Борька Фишензон, безобиднейший парень. А накачанный альбинос – это Костя Трегубов, майор из линейной конторы, мой хороший знакомый. Заскакивает иногда с подругой бухнуть. Если хочешь, могу позвонить.

– Не надо, они паспорт смотрели, там все чисто, прописка на месте.

И все-таки на следующий день он позвонил, а вечером доложил Арсеньеву:

– Взяли их, Рома, бьют в казематах у Трегубова. Залетные мудаки из Лазаревского, всю отчетность ему попутали. Он тебе привет передает, говорит, надо было сразу сказать, что ко мне приехал, а не выдумывать сказки о пояснице.

Они сидели на кухне, пили пиво и закусывали миндальными орехами, приготовленными Осиным по его собственному рецепту.

– Хороший миндаль, – рассеянно сказал Арсеньев. Он встал, прогулялся до остекленных дверей на веранду, вернулся и остановился напротив друга:

– Муторно мне что-то последние дни, зуд какой-то в нервной системе, сосредоточиться не могу. А тут еще этот труп до кучи. Ты знаешь, я не сентиментальный, но когда пульс у него проверял, прочувствовал, как из него жизнь по капле уходила. А ведь ночью, наверно, с подругой спал, утром в туалет ходил, кофе пил на дорожку. Зачем? Вот и я вроде как живу, а для чего – непонятно. В зоне мечтал: выйду, бабки заберу у Семеныча, и жизнь пойдет лучезарная до невозможности. А вышел – ни хрена, нет той жизни, о которой мечтал. Я прошлым жил за колючкой, Саня, а время ушло вперед. В общем, отстал на 10 лет, а догонять не хочу, неинтересно.

Осин отхлебнул из банки и, глядя на него снизу, прищурился:

– А тогда что тебе интересно?

– Может, поехать туда помочь мужикам, как Семен задумал. Вчера видел в новостях церковь, разбитую снарядом, и так захотелось помолиться там... А потом гасить чубатых по полной. Сука, я их еще по Чечне не забыл.

– Ты рехнулся, Рома, – тихо сказал Осин. – Совсем рехнулся.

– А ты меня каким тут видеть хотел? Чем я тут должен заниматься, бумаги перекладывать, прибыль в банке подсчитывать? А может, мне пойти историю детишкам преподавать? Говорю же, опоздал, теперь историю по другим учебникам учат.

– Точно, по другим. Думал, женишься, остепенишься, в Анталью сгоняешь, в Египет...

– Какой Египет, Саня. Ты вообще понимаешь, о чем я?

– Ни хрена я не понимаю! Ты лучше водочки врежь, вот мозги-то и встанут на место. А потом на море сходим, Маринку возьмем за компанию.

Спорить не имело смысла. Водки они выпили. И на море сходили вместе с Маринкой. А ночью она виновато призналась:

– Рома, я все знаю. Случайно. Пошла к вам вниз, а когда услышала ваш разговор, села на ступеньку и подслушала.

– И что?

– Я его не осуждаю. Он тебя 10 лет из тюрьмы ждал, а ты приехал и опять – из огня да в полымя.

– Скорее, в обратном порядке.

– Пусть так. Ты правда уже все обдумал?

– Нет, не все.

– А как же я?

Он потрепал ее по челке:

– Маринка, я старый неуравновешенный уголовник, тебе...

Она закрыла ему рот рукой:

– Рома, кто мне нужен, я сама знаю. А вот ты мне ответь, – она убрала руку. – Я-то тебе нужна?

– Как воздух. А жалеть не будешь потом?

– Может, и буду. Но это будет потом.

На следующий день они побывали в церкви, старинном трехглавом храме, стоявшем на отлете за шумной базарной площадью, отстояли обедню, поставили свечи. Старый седобородый батюшка в круглых очках перекрестил их и успокоил Марину, спросившую у него про Донбасс.

– Молись, дочка, супостата мы всегда побеждали и сейчас победим с Божьей помощью.

12

23-го Марина поздравила Арсеньева с Днем защитника Отечества и вручила ему флакон «Диор Саваж». Осин в армии не служил и поэтому остался без подарка.

24-го позвонил Семен:

– Роман, помнишь, что я тебе говорил? Утром началось... Увольняюсь. Брат меня встретит. Если будет возможность, свяжусь.

Через неделю он уехал, а убили его (в голове не укладывалось) в конце марта, когда весна уже правила бал и всюю цвели магнолии. Он погиб при обстреле родного села его брата, там его и похоронили – вывезти тело не представлялось возможным. Все это рассказала жена Семена, сообщила по телефону, номер которого он предусмотрительно оставил ей на всякий пожарный.

С тяжелым сердцем они навестили вдову – полную, похожую на грузинку женщину в трауре. Еще тяжелей было смотреть на старый «форд» во дворе их белого одноэтажного дома с маленьким садиком на задах. Помянули, но разговор не клеился, вдова молчала с растерянным лицом, очевидно, еще не до конца осознавая случившееся. Осин ненавязчиво поинтересовался о детях. Она со вздохом ответила:

– У нас сын. Он редко бывает, живет с семьей в Судаке.

И тут же встрепенулась:

– Нет, вы не подумайте, я ни в чем не нуждаюсь, зарплата у меня хорошая. Я ведь по просьбе Семена вам позвонила, он так велел, если...

– Ну, это уж мне решать, – сердито перебил Осин. – Я перед ним в долгу. Карта есть? Давайте номер.

Он достал смартфон, произвел необходимые манипуляции и удовлетворенно крикнул.

– Лишние 300 тысяч не помешают. А когда там все успокоится, прах перевезем, я лично этим займусь.

– Да, мы позаботимся, – добавил Арсеньев. – Телефон этого родственника продиктуйте, пожалуйста.

Миновал март, отцвели и осыпались магнолии, а на смену в апреле распустилась глициния – воздух сочился ароматом ее цветов, опутавших своими лианами не только кипарисы, но даже решетки окон на нижнем этаже таверны.

Они расположились у обрыва в тени греческой беседки, куда тоже доходил дурманящий аромат глициний. Близился полдень. В цветастом сарафане Марина стояла у перил и смотрела на море, на его спокойную лазурную гладь, где у самой воды с криками носились чайки, а другие, поднявшись выше, просто висели, покачиваясь на вогнутых крыльях.

– Рома, а у вас там какая весна? – не поворачиваясь, спросила она. – Расскажи...

– У нас скромнее, – сказал он ей в спину. – Гораздо скромнее. Но когда цветут заливные луга и все это дикое разнотравье, ветер тоже разносит сладкую пыльцу по всей округе. А воздух там легче и прозрачней, чем здесь.

– Чудесно. А здесь он какой?

– Как восточный парфюм. А если наглядно, то здесь картина маслом, а там акварель.

– Очень наглядно. И я тебя очень люблю.

– Я тебя тоже. Но я должен ехать, не могу больше оттягивать. Я давно созвонился, все уже решено.

Она повернулась и, закусив нижнюю губу, кивнула несколько раз.

– Я понимаю, – сказала она виновато. – Я все понимаю. Прости....

За прошедший месяц кое-что изменилось, но не так, как хотелось Арсеньеву. На Донбассе шли ожесточенные бои, и он недоумевал: почему в Чечне это называли войной, а здесь операцией? Были и другие вопросы, но он по опыту знал, что решать их нужно автоматом, а не болтовней. Так он и сделал, когда после майских праздников убыл по указанному ему маршруту. Провожали на вокзале Осин с Мариной, других в подробности не посвящали, все, что они знали: он всего лишь поехал навестить родственников в Иркутск.

Нет смысла говорить о самом прощании, поскольку все такие прощания похожи и на все лады описаны с античных времен. Не интересны и первая после Чечни легкая контузия, и запах червей, когда лежал, уткнувшись носом во влажный чернозем под минометным обстрелом, и многое другое, что более наглядно показывали в круглосуточном режиме по центральным каналам. Но одно нужно сказать обязательно: через неделю боев он снова был в своей тарелке и обрел те собранность и сдержанный волчий азарт, что когда-то сопутствовали ему на Кавказе. И еще следует сказать – те парни, с которыми он тогда воевал в горах, и даже их дети дрались сейчас вместе с ним заодно, где-то левее на растянувшейся линии фронта.

Наконец-то снова все встало на место, вернулось «на круги своя»: в него стреляли враги, и он в них стрелял. И убивал, а кого-то добивал не раздумывая. Случалось и спасать врага, как это было однажды, когда успел перетянуть бедро оравшему благим матом мальчишке лет двадцати. Арсеньев перетягивал, а тот орал, дико пучась на срезанный осколком обрубок в натовском берце. Бой затихал, притих после дозы промедола и пленный. Он забрал у него документы, айфон и, закурив, уселся на дно окопа, стал прокручивать видеозаписи. Это делалось не ради праздного любопытства. То, что увидел Арсеньев, совсем его не обрадовало. Этот мальчишка на короткой записи избивал ногами уса- того мужика в камуфляже с донбасским шевроном на рукаве. И ласково матерился при каждом ударе. А в конце воткнул пленному в горло армейский нож.

– Зачем же ты его так, Иван Колпаков, а? – спросил Арсеньев.

Но тот не слышал, он был в забытьи. Арсеньев докурил, убрал вещи в карман и снял с бедра раненого жгут. А после качественно и без следов удавил «рекрута Колпакова». Говорить об этом тоже не имеет смысла. Во всяком случае, сейчас. Когда придет время, пусть расскажет тот военкор, которому он доверился во время передышки, передавая айфон молодого нациста.

– Не нужно меня снимать, – предупредил Арсеньев. – Но обязательно расскажи потом, как эта гадина на тот свет отправился. Что бы там ни говорили, а я знаю, народ отмщения требует.

А еще он перестал видеть сны. Лишь однажды ему приснился Нефедов. Худой, в нательном белье с выступающими ключицами, он сидел к нему спиной у печи, макал в таз мочалку и замазывал известью копать под заслонкой.

«Не к добру, – подумал во сне Арсеньев, понимая, что это сон. – Если во сне кто-то обновляет дом, значит, переедет в могилу».

А потом он оказался в широком подземном переходе, освещенном тусклыми неоновыми лампами. И двери, двери лифтов с обеих сторон. В одну из них он шагнул, и лифт с бешеной скоростью устремился вверх, заставив его ухватиться за плечи стоящего напротив мужчины. Он попытался объяснить ему, что ищет выход в город, и мужчина с улыбкой остановил лифт и вывел его в другой коридор, по которому в разные стороны двигались молчаливые люди. Тревожась все больше и чувствуя, что не хватает воздуха, он стал искать выход и скоро обнаружил за одним из поворотов узкую нишу, а в ней железную лестницу с очень высокими ступенями. Он устремился по лестнице вверх и поднимался до тех пор, пока не уткнулся в оштукатуренную стену. Сил больше не осталось. Арсеньев сел у стены, чувствуя, как ломит от усталости ноги, – и проснулся. Больничная палата, яркий свет неоновой лампы на потолке...

Хирург в Донецке, собравший из осколков раздробленную кость, сурово сказал:

– Все, отвоевался, забудь. Это надолго.

Из госпиталя он, наконец, позвонил в городок, сначала Осину, затем Марине. Осин был вне себя от его молчания, обещая немедленно приехать всеми возможными способами и забрать его домой.

– Даже не думай, – отрезал Арсеньев. – Когда выпишут, я сам доберусь.

Марина плакала и лепетала всякие нежности.

Пару раз навещался с передовой Николай, брат покойного Семена, делился последними новостями, вздыхал, доставал из подсумка фляжку:

– Я Семку сюда не тянул. Я, можно сказать, даже его отговаривал, здоровье было у него неважное. Но такие у нас в роду все упертые, если уж что задумал...

А уже перед выпиской во время обхода к его кровати присела на стул незнакомая женщина в белом халате, со стетоскопом на шее, и сказала с улыбкой, прощупывая пульс:

– Увидела в документах на выписку фамилию. Дай-ка, думаю, проверю, чем черт не шутит. Не узнаешь?

Немолодая, полная, седая – нет, эту женщину он определенно не знал. Вот разве что родинка на переносице... Под сердцем екнуло. Неужели она? Он сбросил ноги с кровати и близко наклонился к ней:

– Яна?

– Узнал. Господи, ну и дела!

Она обернулась к его лечащему врачу, стоявшему с коллегами возле угловой кровати:

– Иван Саркисович, Иван Саркисович, я брата нашла! Представляете, брата...

Перед отъездом он сутки провел у нее дома, где за рюмкой коньяка и разговором, полным воспоминаний, узнал: в тот год она уехала в Жданов, окончила там медицинское училище и перебралась в Донецк, где поступила в медицинский университет и вышла замуж, родился сын. Муж погиб два года назад, был в ополчении.

– Женя тоже добровольцем пошел, – добавила она тихо. – Воюет здесь недалеко, под Марьинкой.

Когда прощались, спросила в лоб:

– Ты вернешься или с концом?

– Конец только на кладбище, – сказал он, целуя ее в висок. – Не будем загадывать, всему свое время.

А в городок он прибыл безоблачным днем в середине августа – на перроне плавился асфальт, электронное табло на фонарном столбе показывало +40. Он осторожно спустился с подножки и, опираясь на трость, огляделся. Встречающих было двое, и один из них тоже опирался на трость: худой, нескладный в белом полотняном костюме и с развесистой седой бородой. Его голову покрывала бейсболка, а в руке дымилась сигарета вместо прокуренной трубки. Но – как?! А так. Ад-ресок-то Нефедова покоился у Осина в сейфе.

Но больше всего удивила Марина, когда ночью в спальне приложила его руку к своему животу:

– Рома, там, кажется, кто-то есть.

– Кажется или...

– Или.

Вот тут и следовало бы поставить точку. Однако близился сентябрь 22-го года... Это было только начало.